

УДК 82.32

*Юйвэй Чжан***ЧЕЛОВЕК И МИР В РАННЕЙ ПРОЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА**

В данной работе на основе анализа взаимоотношений человека и мира, изображенных в ранней прозе Б.К. Зайцева («Деревня», «Священник Кронид», «Черные ветры», «Завтра», «Миф» и «Молодые»), уделено внимание воплощению феномена бессознательного существования человека в мире, а затем – на выявление писателем элементов сознания в человеческом бытии (появление мыслящих субъектов повествованиях, наблюдающих за своим существованием и жизнями других людей и оценивающих человеческий опыт). Таким образом раскрывается антропологическая проблематика прозы Б. Зайцева первой половины 1900-х гг. Мы останавливаемся на художественных средствах воплощения этой проблематики: фиксируем «пограничность» художественных приемов писателя, выделяя импрессионистские, экспрессионистские и мистические элементы. В итоге выявляется динамика художественного мышления Зайцева: переход от описания безликого стихийного слияния человека с природой, его страха и безысходности перед лицом Вселенной к сознательному преодолению подобного существования, к поиску твердой основы своего бытия. Последнее в дальнейшем предопределило возникновение религиозного осмысления мира писателем, который именно в христианстве обрел позитивный фундамент своего мировоззрения.

Ключевые слова: Б. Зайцев, сознание, время, экспрессионизм, мистика.

Очевидно, что человек в ранней прозе Б.К. Зайцева («Волки», «Мгла», «Земля» и др.) не выделяется из мира, он «действует» наряду с животными и растениями, а над всем довлеет некая сила. Она может быть представлена водной стихией, солнечной энергией, неким всеохватывающим хаосом. Но постепенно взор писателя становится более приметливым. Он словно бы начинает присматриваться к людям и обнаруживает, что есть среди них мыслящие, отдающие себе отчет в своем существовании, не сливающиеся с природным началом, а самое главное – наблюдающие и оценивающие способ существования других, «природных», «земляных» людей. Это не значит, что можно четко разделить рассказы, посвященные «бессознательному» или «расставанию» с ним, но можно обнаружить произведения, где, безусловно, присутствует новое качество мироотношения.

Новый ракурс изображения «человека» и «людей» мы находим в рассказе «Деревня» (1904). Причем делает это писатель с помощью разного обозначения временного и пространственного компонентов. В этом рассказе время становится важным показателем движения бытия. В «Деревне» герой Крымов перемещается во времени (отмеченном последовательно такими природными явлениями, как дождь – метель – начало снегопада – тучи снега) и пространстве, которое представлено жилыми комнатами – ярмаркой, – наконец, бесконечностью. Одновременно он полностью погружен в деревенскую жизнь, его обволакивает атмосфера деревенского быта. Герой чувствует запах ветра, поля, деревьев, и он, в свою очередь «<...> наполняется тем же деревом», а «песни полей и снега, ветра, воющего над могучей землей, околдовывают его» [4. С. 35]. Иными словами, Крымов неотделим от мира, в котором он живет постоянно, он плоть от плоти этого бытия. Показательно, что возвращаясь с ярмарки домой, Крымов погружается в сон, в котором тоже безраздельно властвуют «<...> поля, метели, деревня и черная земля» [4. С. 35]. А дорога, по которой он едет, в это время раздвигается до бесконечности. Следовательно, он как бы превращается в мельчайшую частицу бытия, несомую этой же метелью. Напомним, что такой прием очень характерен для импрессионизма, с помощью которого растворение конкретных предметов в окружающем их мире приобретает динамический характер: «Очертания становятся зыбкими, и возникают постоянно рождающиеся и вечно длящиеся движения» [8. С. 255]. И у зайцевского героя именно в процессе такого движения происходит полное слияние с миром: поля и метели кругом, земля и деревня в нем самом. И здесь даже уже неважно, что у героя есть номинация – Крымов. Важно, что он один из «них», повторяющих смену дня и ночи, каждое свое действие, существующих в природном круговороте. Так, все сущее в мире оказывается тесно связанным: «В темнеющей роще <...> небольшие котлы» с варящейся картошкой. Бурлящую в котлах картошку ждут «толстобрюхие, гладкие боровы», напоминающие «готовые колбасы». «И темным вечером над котлами для варки мощно гудит ветер в березах, гонит низкие тучи над взлохмаченными пашнями, над черными грядами, из которых <...> вытаскивали эту картошку». По вечерам молочницы доят «тучных коров, тихих темных скотов». Воздух пахнет молоком, и «этот теплый, животворный запах» пронизывает сон молочниц. А когда Крымов «лежит в полутемных комнатах и прислу-

шивается к чему-то; ему кажется, будто он слышит грубую работу в усадьбе: доят молоко, мычат коровы...». И «в груди крепкой и грубо сделанной деревенской земли» он чувствует работу. «Так шумит осень в деревне <...> Скоро зима» [4. С. 33-35]. Таким образом, Крымов приобщается к неумолчно работающему механизму неизвестно кем заведенной жизни, чувствует бесконечное и циклическое движение бытия. Он и связан с этим бытием органами чувств («слышит», «прислушивается»), но и воссоздает его в своей памяти, мысленно рисуя себе издавна знакомые картины.

Следует отметить, что в живописи импрессионистов краски не столько «смешиваются», сколько «накладываются», и чтобы в целом воспринять картину, надо смотреть на нее «<...> с небольшого расстояния, а не вблизи» [8. С. 255]. Этот принцип Зайцев кладет в основу своего произведения, поэтому сюжет, герой, характер и природа оказываются «расположенными» на одном уровне: сюжет становится предельно упрощенным, герой не имеет характера, природа оживает в его воображении. И все это происходит практически одновременно, швы «переходов» почти незаметны.

Во всеохватывающем Хаосе у Зайцева фигуры (даже поименованных персонажей) лишены четкости, ясности. Они растворяются как снег при тепле, а не раскрываются как индивидуальности.

В этом отношении показателен священник Кронид из одноименного рассказа (1905), в котором Зайцев вывел обычную жизнь никоего священника на некий новый уровень, растворив индивидуума во всеобщности, бесконечной цепи многочисленных предков и потомков: «за его (священника Кронида. – Ю. Ч.) плечами вдаль идут поколения отцов, пращуров; все они трудились здесь», и у него пятеро сыновей, напоминающих «здоровые, хорошие дубы» [3. С. 199]. На этих «пятерых двуногих» [3. С. 200] Кронид может опереться, когда придет его старость, а они будут возлагать надежды на своих потомков. То, что происходит в этом рассказе, К.И. Чуковский очень точно обозначил: Зайцев «повествует не о том, что было когда-нибудь в определенное время, а о том, что бывает вообще» [10. С. 207].

Бессознательное бытие человека в мире у Зайцева обозначено не только исчезновением характера и личности, но и слиянием страстей и чувств человека с природой. Обратим внимание еще на одно наблюдение К.И. Чуковского, который указал, что богослужение, молитва у Зайцева описывается так же, как работа в поле, как «косьба или молотьба» [10. С. 208], т. е. высокое и духовное для писателя равнозначно физической работе. И как видим, то, что герой рассказа носит конкретное имя, не меняет дела.

В свою очередь в рассказе «Молодые» (1907) страсть человека приравнивается к ритмическому вспахиванию земли, ожидающей зерна, оплодотворения. И толкает Глашку к влюбленному Гавриле не что иное, как такая стихийная сила, как молодость (что-то «молодое, могучее», с волнением она ощущает «волну мужественности, жути и радости» [2. С. 75]). Здесь уже можно увидеть, что в творчестве Зайцева зарождается неореализм, лозунгом которого становится «“утверждение жизни”». Человек живет не по своей воле, а подчиняется стихийным законам. «И все это вместе, – как замечает М.В. Михайлова, – служит условием развития целого» [6. С. 48]. Очень точно определила это состояние, биологизм чувств Л.Д. Зиновьева-Аннибал: «семянной пафос» [5. С. 432]. И возможно, эта устремленность к физиологичности начинает диктовать Зайцеву использование экспрессионистских приемов.

Желание выразить «кошмарное, мрачное мировое начало, передать ощущение громадной стихийной нелепицы, которая есть данность» [7. С. 211], приводит Зайцева к мысли об экспрессионизме. Так возникает в текстах писателя «несколько “пограничных” явлений» [9. С. 161], сочетающих элементы импрессионизма, экспрессионизма и мистики. Это ярко представлено в рассказах «Черные ветры» (1906) и «Завтра» (1906). Эти две вещи отличаются от остальных яркой колористикой, беспощадной рельефностью. В «Черных ветрах» красный цвет доминирует (напомним, что к этому времени уже написан рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех», писателя, под чьим покровительством Зайцев начал свою литературную деятельность). На протяжении этого короткого рассказа (всего пять страничек) красный цвет упоминается 9 раз. Им отмечены приказчик, кучер, черти, лошадь, город. Очень значимо его сочетание с черным цветом, что выглядит зловеще: «Кажется, что в этой ночной хмурой жизни в спящих тварях вновь сгущается тьма, злоба, тяжесть» [2. С. 58]. И человеку нет места в этом беспорядке и ужасе бытия. Ему ничего не остается, как «<...> сливаться в одних зловонных, земляных духов» [2. С. 56]. Насыщенный красный цвет вызывает у человека страх и одиночество. Он обращается к миру за помощью, но получает в качестве ответа только его молчание и равнодушие. Ему «<...> старые камни домов, мокнувшие под дождем, стены и башни древних укреплений ничего не отвечают», и безысходность человека подкрепляется «прежней жизнью, косолапой и развалистой» [2. С. 58].

Кроме того, нелепость бытия человека соединена в рассказе «Завтра» с переживаниями героя Миши, которому все время чудится существование чего-то зловещего. Он ощущает, что «<...> все вообще ускоряют шаг, потому что одно, общее гонит всех» [2. С. 62]. Человек несвободен, он стра-

шится неизвестного, «великого духа», который «<...> потрясает землю и рушит города, рушит власти, гнет, боль», что пугает человека, заставляет его пожелать соединения с общим течением жизни, с одной стороны, и с другой, утешает его, ведь кончается рассказ веселым обращением к грядущему: «<...> я приветствую тебя, Завтра!» [2. С. 65].

Стоит на этой концовке остановиться подробнее. Во-первых, эти слова подтверждают, что пантеистическое мироощущение Зайцева включает в себя и оптимистический элемент (напомним, ранние произведения, отмеченные пантеистическим мироощущением писателя – «Волки», «Мгла», «Океан» и др., – были окрашены трагичностью и безнадежностью). Теперь Зайцев уверенно заявляет, что соединение «с природой <...> не должно быть только злом» [1. С. 199]. Во-вторых, задорная реплика героя подсказывает нам, что он преодолел те сомнения и страхи, которые его охватывали раньше. Пришел момент, когда ему перестает быть страшно жить. Опасность бессмысленного исчезновения отступила. И в то же время эта концовка придает зайцевскому рассказу мистический оттенок, ведь нам не дано узнать, к кому обратился герой с этим приветом, «<...> оптимизм всегда мистичен» [1. С. 201], – писал А.Г. Горнфельд. И завтра, написанное с заглавной буквы, тоже окутано тайной.

Обрисовка человеческой личности у Зайцева отсутствует, но вечные темы человеческого существования ставятся и разрешаются. Ведь в русское сознание уже проникла философия жизни, появилась уверенность, что «<...> жизнь как самостоятельный и самоценный феномен» не членится «как прежде, на дух и материю» [6. С. 48]. Исходя из этого, можно так определить мирозерцание Зайцева: человек в жизни бессилен, незащищен, у него нет выбора, кроме как отдаться течению жизни, но зато именно благодаря слиянию с жизнью его существование приобретает духовность и величие.

Например, в рассказе «Миф» (1906) лица Миши и Лисички очень неясны, расплывчаты, что означает растворение человека в потоке бытия. Лисичка томная, усталая, она опьянена солнцем и тишиной. Кажется, что поток самой жизни несет ее куда-то, а она только пребывает в космическом лоне бытия, наслаждаясь им. И когда же наступит конец этому бесконечному плаванью? Никогда. Зайцев устами своего героя объясняет нам, что люди плывут по реке бытия Бог знает куда, их тела перестают быть плотскими, тленными, поэтому они и каждое из них «<...> портиться-то не может. Оно будет как-то мягко кипеть, пениться и вместо смерти таять, а может, и таять не будет, и умирать не будет» [2. С. 54], т. е. растворение в потоке бытия дарует бессмертие. Человек перестает ощущать себя самостоятельной единицей, он становится одним из атомов вещества Вселенной. Итак, по Зайцеву, бытие человека мистично по определению. Однако это еще не религиозная мистика, а мистика восприятия жизни как великой тайны. Отсюда и очевидная мифологическая ориентация писателя (недаром рассказ называется «Миф»).

Надо напомнить, что «Черные ветры», «Завтра» и «Миф» включены в первую книгу рассказов Зайцева (1906), в которой, по словам Л.В. Усенко, «<...> его импрессионизм выступает в наиболее завершенном виде» [9. С. 173], но эти рассказы очень отличаются друг от друга цветовой гаммой. Для импрессионистов важны не сюжеты, а «<...> чередование света и тени, причудливая игра солнечных “зайчиков” на самых обычных предметах» [8. С. 255]. И это мы обнаруживаем в произведениях Зайцева, но для усиления впечатления писатель может использовать и локальные цвета, как делает в рассказе «Черные ветры», где преобладает красный цвет, символизирующий жестокость бытия, враждебного человеку; а наоборот, в «Мифе» все овеяно солнечной радостью, золотистым спокойствием. И все же, несмотря на то, что человек переживает одиночество и страх перед неизвестностью, он с радостью приветствует завтра. Об этом говорит и название рассказа, который проанализирован выше.

Итак, проделанный анализ показал, что ранняя проза Зайцева носит ярко выраженный импрессионистический характер, осложненный экспрессионистскими и мистическими элементами. А все вместе охватывается его пантеистическим мировосприятием. Человек в раннем творчестве Зайцева лишен личностных особенностей, он бессознательно растворен в природе, испытывает страх и безысходность перед лицом Вселенной, но и питается стихийной жизненной силой, идущей от энергии солнца, растений, земли. Бессознательное бытие человека в мире основано на пантеизме, однако уже наступает момент, когда человек сознательно отвергает безликое стихийное существование, начинает обретать твердую основу своего бытия. И эта твердая основа будет заключаться для Зайцева в религиозном оправдании мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горнфельд А.Г. Лирика космоса // Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 10. М.: Русская книга, 2001. С. 196-202.
2. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 1. М.: Русская книга, 1999. 608 с.
3. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 7. М.: Русская книга, 2000. 528 с.

4. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 8. М.: Русская книга, 2000. 512 с.
5. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода: Роман, рассказы, эссе, пьесы. М.: Аграф, 1999. 496 с.
6. Михайлова М.В. Неореализм: стилевые искания // История русской литературы Серебряного века (1890-е – начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1. Реализм. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 41-77.
7. Михайлова М.В., Зайцев Б.К. Указ. соч. С. 210-220.
8. Петровец Т.Г. Энциклопедия импрессионизма и постимпрессионизма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 320 с.
9. Усенко Л.В. Импрессионизм в русской прозе начала XX века. Ростов-на-Дону.: Издательство Ростовского университета, 1988. 240 с.
10. Чуковский К.И. Борис Зайцев // Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 10. М.: Русская книга, 2001. С. 203-211.

Поступила в редакцию 04.01.2018

Чжан Юйвэй, аспирант Пекинского педагогического университета
100875, КНР, Пекин, Пекинский педагогический университет
E-mail: kesainiya16@yandex.ru

Yuwei Zhang

INDIVIDUALS AND THE WORLD IN B.K. ZAITSEV'S EARLY PROSE

This paper is based on the analysis of the relationship between individuals and the word in B.K. Zaitsev's early prose («Village», «The priest Kronide», «Black winds», «Tomorrow», «Myth» and «The young»); special attention is paid to the implementation of the phenomenon of an individual's unconscious existence in this world and then to the fact how the author reveals the conscious elements in an individual's being (emergence of narrative subjects who think about, observe and evaluate the mode of existence of their own and other people). By this means the anthropological problem of B. Zaitsev's prose in the first half of 1900s has been revealed. The paper is focused on the artistic means of embodying this problem: the "marginality" in Zaitsev's literature methods (impressionistic, expressionistic and mystic sources) is investigated. In conclusion the dynamics of Zaitsev's artistic thoughts is characterized: a transition from describing an individual's featureless and spontaneous flowing into the nature, his or her fear and despair faced up with the universe to consciously overcoming these various modes of existence, to finding firm basis of their own being. The later has pre-determined the writer's religious understanding of the world, which afterwards has appeared. It is in Christianity that Zaitsev finds positive foundation of his world view.

Keywords: B. Zaitsev, consciousness, time, expressionism, mysticism.

REFERENCES

1. Hornfeld A.G. Lirika kosmosa [lyric of cosmos] // Zaitsev B.K. Sobranie sochinenij [Collected works]: Т. 10. М.: Russkaya kniga [Russian book], 2001. S. 196-202. (In Russian).
2. Zaitsev B.K. Sobranie sochinenij [Collected works]: Т. 1. М.: Russkaya kniga [Russian book], 1999. 608 s. (In Russian).
3. Zaitsev B.K. Sobranie sochinenij [Collected works]: Т. 7. М.: Russkaya kniga [Russian book], 2000. 528 s. (In Russian).
4. Zaitsev B.K. Sobranie sochinenij [Collected works]: Т. 8. М.: Russkaya kniga [Russian book], 2000. 512 s. (In Russian).
5. Zinov'eva-Annibal L.D. Tridcat' tri uroda: Roman, rasskazy', e'sse, p'esy' [Thirty-three abominations: Novel, short stories, essay, plays]. М.: Agraf [Agraffe], 1999. 496 s. (In Russian).
6. Mikhailova M.V. Neorealism: stilevy'e iskaniya [Neorealism: search for style] // Istoriya russkoj literatury` Serebryanogo veka (1890s – nachalo 1920s) [The history of Silver age Russian literature (1890s – the beginning of 1920s)]: V 3 ch. Ch. 1. Realism [Realism]. М.: Izdatel'stvo Yurajt [Urait Publishing House], 2017. S. 41-77. (In Russian).
7. Mihaylova M.V. B.K. Zaitsev. S. 210-220. [Mikhailova M.V. B.K. Zaitsev. // Ibid. Pp. 210-220]. (In Russian).
8. Petrovets T.G. E'nciklopediya impressiionizma i postimpressionizma [Encyclopedia of impressionism and post-impressionism]. М.: OLMA-PRESS, 2000. 320 s. (In Russian).
9. Usenko L.V. Impressionizm v russkoj proze nachala XX veka. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta [Impressionism in Russian prose of the early twentieth century. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing house], 1988. 240 s. (In Russian).
10. Chukovsky K.I. Boris Zaitsev [Boris Zaitsev] // Zaitsev B.K. Sobranie sochinenij [Collected works]: Т. 10. М.: Russkaya kniga [Russian book], 2001. S. 203-211. (In Russian).

Received 04.01.2018

Zhang Yuwei, postgraduate student of Beijing Normal University
100875, China, Beijing, Beijing Normal University
E-mail: kesainiya16@yandex.ru